

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

**ЭРИСТИКА ИЛИ
ИСКУССТВО СПОРИТЬ**

**Под редакцией
Пашков Роман Викторович
Юденков Юрий Николаевич**

**Москва
2017 год**

Настоящая работа является переизданием классической работы великого немецкого философа Артура Шопенгауэра и предназначено для всех, интересующихся полемикой и публицистикой. Она также будет интересна студентам всех специальностей.

ЭРИСТИКА

или

ИСКУССТВО СПОРИТЬ.

А. Шопенгауэра.

ПЕРЕВОД С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Кн. Д. Цоргелева.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГ.
Типография М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 д., 28.
1900.

Дозволено цензурою. Спб. 9 мая 1900 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (РЕДАКЦИОННОЕ)	5
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ	7
I. ЭРИСТИКА	10
II. УЛОВКИ	19
ПРИБАВЛЕНИЕ	36

ПРЕДИСЛОВИЕ (РЕДАКЦИОННОЕ).

Настоящий труд представляет переиздание классической работы под редакцией профессора Юрия Юденкова и выпускника программы МВА «Банки» Романа Пашкова.

Искусство спора применяется в самых различных областях жизни общества, в государственных и политических делах, в научных кругах, в СМИ и в жизни обычных людей.

Любой человек имеет представление, что такое спор, практически каждый когда-либо принимал участие в дискуссии, отстаивал свое мнение или опровергал мнение противоположной стороны, при этом не каждый знаком с теорией и практикой искусства ведения спора или беседы.

Теория и практика искусства ведения спора сформировались в единую практическую систему аргументации, называемую эристикой, которая в свою очередь состоит из диалектики и софистики.

Сократ ввел понятие диалектики как искусства вести эффективный диалог для достижения истины, в противоположность диалектике софистика направлена на достижение победы в споре, а не в поиске истины.

Если эристика – это искусство спорить и опровергать доводы противника, а также умение защищать свои взгляды, вне зависимости от их внутренней состоятельности, то диалектика – это искусство вести беседу или спор, основанное на идеалах коллективистического общества, через утверждение внутренней противоречивости всего существующего, по мнению философов, являющейся единственным источником всякого движения и развития.

По мнению А.Шопенгауэра диалектика должна быть направлена на обучение защите от недобросовестных нападений или нападению на других, при этом, не рискуя быть опровергнутым и не противореча себе.

При этом А.Шопенгауэр рассматривает диалектику «как искусство оставаться правым, независимо от объективной истины, что, разумеется, бывает легче, когда мы правы в самом деле».

Дискуссии или спор применяют для разрешения различных вопросов, прояснения всевозможных ситуаций, достижения консенсуса в имеющихся разногласиях, но в случае если в ходе спора не удастся прийти к согласию и единому мнению, спор помогает не только узнать позицию другой стороны, но и лучше понять свою собственную логику рассуждений.

В настоящее время большой популярностью у зрителей во всем мире пользуются ток-шоу; на телевидении разгораются нешуточные споры по самым разнообразным вопросам с привлечением экспертов и известных людей, соблюдается ли при этом искусство спора, применяются ли техники или теория спора, выдерживаются ли логическая взаимосвязь и цепочка фактов и рассуждений, пусть об этом судят зрители.

Настоящее издание призвано привлечь внимание читателей на проблему современного искусства ведения полемики и спора через изучение теории и техники спора, которыми обладали древние философы и мыслители.

Существует множество видов и техник ведения современного спора, задачи которых сводятся к тому, чтобы доказать неправоту одной стороны перед другой, при этом древние мыслители полагали, что целью спора является поиск истины.

Целью исследования является показать отличительные признаки разных теорий и методов ведения спора, так например: Аристотель полагал, что эристика приносит нечестные средства в искусство спора.

Эристика учит соблюдать ряд разумных правил, являясь скорее практическим искусством, нежели наукой о правилах ведения спора, например: не спорить без повода или любой спор должен иметь предмет для обсуждения и др.

Книга будет полезна всем, кто стремится к всестороннему изучению правил и техник ведения спора, получению положительных результатов спора, соблюдению логики и тактики беседы.

Авторский коллектив

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ.

Часто случается слышать мнение о совершенной бесполезности споров, что не мешает обыкновенно даже сторонникам этого мнения вступать в горячие споры хотя бы относительно самой этой бесполезности. Не спорят только тогда, когда не встречаются противоречия или не интересуются данным вопросом.

Если бы в споре всегда выяснялась истина и победа оставалась за правым, спор был бы нравственною обязанностью каждого добросовестного человека. В действительности это не так, и победа далеко не всегда обуславливается правотою защищаемого мнения; большею частью первую роль играет искусство и знания защитника. Но если нельзя всегда сказать в этом смысле: *du choc des opinions jaillit la vérité*, и в большинстве случаев кто бы ни был прав, каждый остается при своем мнении, это не должно мешать нам признать несомненную пользу споров, веденных серьезно и добросовестно, пользу, состоящую в том, что спорящие неизбежно должны шире и разностороннее относиться к предмету, так что нередко открываются перед ними такие стороны вопроса, которые ускользнули бы от них, если бы каждый ограничился одиноким изучением вопроса.

Но для того, чтобы спор мог иметь положительное значение, необходимо, чтобы он велся сколько-нибудь правильно, с соблюдением основных логических требований, а не переходил в голословные утверждения и голословные отрицания, сопровождаемые нападками на личность противника; в последнем случае спор окажется не только бесплодной, но вредной тратой времени, возбуждающей лишь мелкие страсти спорящих.

Какое громадное значение имели логика и диалектика в древнем мире, можно видеть из диалогов Платона и логических исследований Аристотеля.

Едва ли не еще большее значение получает изучение логики в течение средних веков, но здесь оно направляется почти исключительно на внешнюю формальную сторону мышления. Скванная внешнею формой, лишенная самостоятельная содержания, средневековая схоластика теряется в подробностях, не имеющих интереса для людей, стоящих вне ее заколдованного круга.

Отсюда понятна реакция против нее в новой философии, заставляющая Декарта выбросить за борт, как бесполезные, логические формулы, незыблемые со времен Аристотеля, чтобы заменить их несколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже

Лейбниц жалуется на то, что пренебрежение к формальной логике идет слишком далеко и указывает на то, что многие споры не оставались бы столь бесплодными, если бы только противники дали себе труд обратить их в формальные аргументы.

Несмотря на это, логика, как систематическое мышление и аргументация, все более вытесняется так называемой “логикой фактов”, которая гораздо доступнее и привлекательнее, так как почти всегда состоит лишь в более или менее искусном подборе фактов, из которых каждый выводит затем что ему вздумается; а так как то же самое и с таким же правом может сделать его противник, то спор и сводится на такую почву, где доказать ничего невозможно и где каждый, если не может рассчитывать на победу, по крайней мере совершенно застрахован от поражения.

Только в одной сфере современной жизни сохранилось еще требование более или менее строгой логической формы, а именно — в суде. В сущности каждый процесс есть силлогизм, в котором одна посылка дана законом, а другая должна содержаться в обстоятельствах дела. Задача суда — найти средний термин, который обуславливает необходимость заключения, т. е. приговора или решения.

Е сожалению, условия и цель судебного красноречия вообще и в современном процессе в особенности превращают обыкновенно диалектику, необходимую для освещения истины, в софистику, преследующую совершенно посторонние цели.

Но если отвлеченные диалектические тонкости, занимавшие древних Греков, потеряли, по-видимому, всякий интерес в глазах современного общества — оно не перестает однако то и дело бессознательно пользоваться ими в спорах. Вот почему Эристика Шопенгауэра, представляющая в сжатой и относительно доступной форме некоторые из диалектических приемов, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, как сочинение посмертное, она не вполне отделана, содержит в себе некоторые повторения и вообще не носит характера той художественной законченности, которыми отличаются другие труды Шопенгауэра. Но, как справедливо замечает Фрауэнштедт, “Эристика” имеет значение в том отношении, что она открывает сторону человеческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играет однако немаловажную роль в духовном взаимодействии людей и которую надо знать, чтобы защищаться против нее. Всем тем, кого их призвание или общественное положение приводит в столкновение с стремлением людей казаться правыми во что бы то ни стало (*Rechthaberei*), полезно будет узнать те

стереотипные хитрости и уловки, которыми пользуется это стремление и средства для отражения их.

Манускрипт “Эристики”, напечатанной впервые Фрауэнштедтом вскоре после смерти Шопенгауэра, вместе с некоторыми другими статьями (Aus Arthur Schopenhauer’s handschriftlichem Nachlass. Leipzig, Brockhaus, 1864) по мнению издателя относится к 1820 г. Позднее, когда Шопенгауэр вздумал пересмотреть эту работу, он уже не нашел нужного настроения, чтобы довести ее до конца.

Кн. Д. Цертелев.

І. ЭРИСТИКА.

Логика и диалектика употреблялись уже древними как синонимы, хотя λογίσεσθαι обдумывать, обсуждать, рассчитывать и διαλέγεσθαι разговаривать, вещи весьма различные.

Это употребление слов логики и диалектики как синонимов сохранилось и в течение средних веков и дошло до нашего времени. Однако, в новые времена некоторые, особенно Кант; часто употребляли слово диалектика в дурном смысле, как “софистическое искусство спора” и потому предпочитали название логики, как более невинное. Но оба в сущности означают одно и то же, и в последние годы их опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что диалектика и логика издревле употреблялись как синонимы, и потому я не вполне свободен и не могу разделить, как хотелось бы, их значение и определить логику как “науку о законах мышления, т. е. способах действия разума” (от λογίσεσθαι, обдумывать, рассчитывать, происходящего в свою очередь от λογος, разум или слово — понятий неразрывно связанных) и диалектику (употребляя это слово в современном смысле) как “искусство спорить или беседовать” (от διαλέγεσθαι). Но каждая беседа состоит в сообщении фактов или мнений, т. е. бывает историческою, или же представляет собой обсуждение чего-либо. Таким образом, очевидно, что логика имеет предмет данный вполне а priori, безо всякой эмпирической примеси — законы, мышления, способ действия разума — законы, которым разум следует предоставленный самому себе, когда ему ничто не мешает, следовательно, при одиноком мышлении разумного существа, которое ничем не вводится в заблуждение. Диалектика, напротив того, рассматривала бы совместную деятельность двух разумных существ, которые думают вместе, а отсюда непременно следует спор, т. е. духовная борьба, если только они несогласны между собою, как выверенные часы. Как чистый разум, оба индивидуума должны бы быть согласны; их разногласие зависит от различий, присущих индивидуальности, а потому есть элемент эмпирический.

Логику, науку мышления, т. е. деятельности чистого разума, можно бы построить вполне а priori; диалектику же большею частью только а posteriori, из опытного познания тех изменений, которые претерпевает чистое мышление, вследствие различия индивидуальностей при совместном мышлении двух разумных существ, а также тех средств, которыми каждый из них пользуется,

чтобы выставить свое индивидуальное мышление, как чистое и объективное. Это потому, что человеку свойственно при совместном мышлении *διαλέγεσθαι*; т. е. как только он, при обмине мнений (за исключением разговоров исторических), узнает, что мысли другого различны от его собственных о том же предмете, он сначала не проверяет собственного мышления, чтобы найти в нем ошибку, а предполагает ее в мышлении другого, т. е. человек по природе своей хочет всегда быть правым; тому же, что вытекает из этого свойства, учит отрасль науки, которую я хотел бы назвать диалектикою, но которую, во избежание недоразумений, назову эристическою диалектикою. Она, таким образом, есть учение о стремлении человека всегда казаться правым. “Эристика” была бы только более жестким названием того же предмета.

Эристическая диалектика есть искусство спорить, и спорить так, чтобы всегда оставаться правым, следовательно, *per fas et nefas*. В существе дела объективно можно быть правым, и все-таки в глазах присутствующих, а иногда и в своих собственных, остаться неправым: это бывает тогда, когда противник опровергает мое доказательство и это опровержение сходит за опровержение спорного положения, в пользу которого могут, однако, существовать другие доказательства; в таких случаях положение противника разумеется обратное: он оказывается правым, будучи объективно неправ. Итак, объективная истина спорного положения и сила его в глазах спорящих и слушающих вещи различные; эристическая диалектика зиждется на последней.

Если бы не было зла в человеческой природе, если бы мы были вполне честны при всяком разноречии, мы стремились бы только к тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о том, окажется ли она на стороне мнения, выставленного первоначально нами самими, или же нашим противником. Это было бы безразлично для нас или, по крайней мере, имело бы совершенно второстепенное значение. Теперь, наоборот, это главное. Врожденное тщеславие особенно чувствительно относительно всего, что касается сил рассудка и не хочет допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждал противник верно.

В виду этого каждому следовало бы только не судить иначе как правильно, а для этого сначала думать, а потом говорить. Но к врожденному тщеславию у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовестность. Они говорят неподумавши и хотя бы потом и заметили, что утверждение их ложно и что они неправы, —

они хотят, чтобы казалось наоборот. Интерес к истине, который в большинстве случаев был единственным мотивом при выставлении положения, казавшегося истинным, совершенно уступает место интересу тщеславия: истинное должно казаться ложным, а ложное — истинным.

Однако, даже эта недобросовестность, упорное отстаивание положения, которое нам самим уже кажется ложным, имеет некоторое оправдание. А именно, в начале спора мы нередко бываем глубоко убеждены в истине нашего утверждения, но аргумент противника, по естественному, совершенно опрокидывает его; если мы сразу откажемся от нашего утверждения, нам часто случается убедиться позднее, что мы все-таки были правы: доказательство наше было ошибочно: но для того же утверждения могло быть другое, более верное доказательство: спасающий аргумент не пришел нам в голову сразу. Таким образом в нас складывается правило спорить против возражений, хотя бы они казались нам правильными и убедительными в той уверенности, что самая правильность их есть только кажущаяся и что в течение спора мы нападём еще на такой довод, который опровергнет его, или на такой, который как-нибудь иначе установит истину нашего положения; благодаря этому, мы, если не вынуждены к некоторой недобросовестности в споре, то, по крайней мере, легко соблазняемся ею. Так взаимно поддерживают друг друга слабость нашего суждения и извращенность нашей воли. Отсюда происходит то, что спорящие обыкновенно сражаются не за истину, а за свое положение как *pro arquet focus*, и ведет дуло *per fas et nefas* и, как сказано, не легко может действовать иначе.

Итак, обыкновенно каждый пожелает провести свое утверждение, даже тогда, когда оно ему в данную минуту кажется ошибочным или сомнительным; Макиавелли советует государю пользоваться каждою минутою слабости своего сосуда, чтобы напасть на него, так как в противном случае сосед может воспользоваться минутою его слабости. Если бы господствовали верность и искренность, было бы другое дело, но, в виду того, что на них нельзя рассчитывать, и самому нельзя руководствоваться ими, так как за них бывает плохая расплата; то же самое и со спором: пусть я признаю противника правым, как только он будет, по естественному, прав, он едва ли сделает тоже в обратном случае, а напротив, будет вести дело *per nefas*: значит и я должен делать то же.

Легко сказать, что надо стремиться только к истине, безо всякого пристрастия к своему положению; но нельзя предполагать,

чтоб и другой сделал то же, а потому нельзя этого сделать самому. К тому же, если бы я захотел отказаться от моего положения, которое я, однако, прежде обдумал, как только мне показалось, что противник мой прав, то легко может случиться, что, введенный в ошибку впечатлением минуты, я откажусь от истины для того, чтобы принять заблуждение.

Вспомогательные средства для проведения своего положения каждому дает в некоторой мере его собственная ловкость и негодность (Schlechtigkeit). Этому научает ежедневный опыт, так что каждый имеет свою натуральную диалектику, так же как он имеет свою натуральную логику. Только первая далеко не так надежна, как вторая. Редко мыслят и заключают вопреки логическим законам; ошибочные суждения часты, ошибочные заключения чрезвычайно редки; поэтому в человеке редко проявляется недостаток в естественной логике, но ему часто не хватает естественной диалектики; это дар природы неравномерно распределенный (в этом отношении диалектика похожа на силу суждения, которая распределена весьма неравно, тогда как разум, собственно говоря, распределен равномерно); часто случается, что кажущаяся аргументация сбивает и опровергает в существе правых и, наоборот, тот, кто выходит из спора победителем, обязан этим не столько правильности своего суждения, при постановке положения, сколько искусству и ловкости, с которыми он защищал их. Врожденное, здесь как и везде, наилучшее. Однако, упражнение и размышление над теми приемами, которые опровергают противника или которыми он пользуется для победы, может много помочь достижению мастерства в этом искусстве. Поэтому, хотя логика и не может иметь никакой чисто-практической пользы, диалектика, конечно, иметь ее может. Мне кажется, что и Аристотель свою логику в собственном смысле (аналитику) выставил главным образом как основание и подготовку к диалектике, а последняя была для него главным. Логика занимается одною формою положений, Диалектика же — содержанием или материей; поэтому рассмотрение формы как общего должно было предшествовать рассмотрению содержания или частного.

Аристотель определяет цель диалектики не так резко, как я; правда, он указывает на спор, как на главную ее цель, но в то же время цель эту видит и в отыскании истины (Тор. 1, 2). Затем, он говорит: “следует рассматривать положения философски, согласно их истине и диалектически, согласно видимости или одобрению и мнению других (δόξα)”. (Тор. 1, 12). Он, правда, сознает различие и независимость

объективной истины положения от проведения его или получения одобрения, но недостаточно резко различает их, чтобы диалектике приписать исключительно последнее назначение.

Вот почему к его правилам, относящимся к последней, нередко примешиваются такие, которые имеют в виду первую. Поэтому мне кажется, что он не вполне разрешил свою задачу, стараясь в книге *De elenchis sophisticis* различить диалектику от софистики и эристики, причем различие должно состоять в том, что диалектические заключения верны по форме и по содержанию, а эристические или софистические — нет. (Последние различаются между собою только относительно цели: в эристических цель эта определяется одним желанием остаться правым, в софистических — стремлением добиться этим путем почета или денег). Истинны ли положения по содержанию, это всегда слишком недостоверно, чтобы можно было заимствовать отсюда основание для различия их; менее всего уверены могут быть в этом сами спорящие, и даже результата спора может дать об этом только сомнительное заключение. Поэтому под диалектикой Аристотеля мы должны разуметь также софистику, эристику и пирастику и определить ее как искусство оставаться правым в спорах. Конечно, главное пособие к тому состоит в том, чтобы быть действительно правым, но одного этого для людей еще недостаточно, а с другой стороны, при слабости их рассудка, это безусловно необходимо. Итак, нужны еще некоторые другие искусственные приемы, которые, будучи независимы от объективной правды, могут употребляться и при объективной неправоте, о действительном существовании которой почти никогда нельзя судить с полной достоверностью.

Итак, мое мнение состоит в том, что логика и диалектика должны быть разграничены резче, чем это сделано Аристотелем, и логике предоставлена объективная истина, поскольку она формальна, а диалектика ограничена одержанием победы в спорах, причем софистику и эристику не надо отделять от нее, как это делает Аристотель, так как различие это основано на объективной материальной истине, относительно которой мы не можем быть заранее вполне уверены, а должны сказать с Понтием Пилатом: “что есть истина?” так как: мукшефы *est in puteo*, ἐν βύθῳ ψῆγάθηται. (Изречение Демокрита, *Diog. Laert. IX, 72*). Нередко после оживленного спора каждый уходит домой, унося мнения противника — они поменялись. Легко сказать, что в спорах не должно иметь в виду ничего, кроме выяснения истины; но дело в том, что еще неизвестно,

где она: аргументы противника и свои собственные вводят в заблуждение. Впрочем: *re intellecta, in verbis simus faciles*; так как диалектика вообще признается обыкновенно равнозначащей с логикой, то мы, как уже сказано, назовем свою дисциплину “*Dialectica eristica*, Эристическая диалектика”.

Предмет каждой отрасли науки всегда следует вполне отделять от всех остальных. Чтобы выставить диалектику, как таковую, надо рассматривать ее исключительно как искусство оставаться правым, независимо от объективной истины, что, разумеется, бывает легче, когда мы правы в самом деле. Но диалектика, как таковая, должна учить только тому, как защищаться от нападений всякого рода, особенно от недобросовестных, а также, как можно самому нападать на другого, не противореча себе и вообще не рискуя быть опровергнутым. Надо вполне отделить изыскание объективной истины от искусства заставлять свои положения казаться истинными. Первое есть совершенно другая *πραγματεία*: это дело суждения, размышления, опыта, и для этого не существует никакого искусства; последнее, наоборот, есть цель диалектики.

Ее определяли как “логику видимости”. Это ошибочно, потому что тогда ею можно было бы пользоваться только при защите неверных положений. Но диалектика нужна тогда, когда мы правы, для того, чтобы отстаивать эту правоту и надо знать недобросовестные, искусственные приемы, чтобы отражать их, и нередко даже пользоваться ими, чтобы бить противника его же оружием. Поэтому объективная истина совсем не должна рассматриваться в диалектике или рассматриваться только как нечто случайное, и задача ее должна состоять лишь в определении того, как защищать собственное положение и как опровергать положение противника. В относящихся сюда правилах нельзя иметь в виду объективную истину, так как в большинстве случаев неизвестно, где она. Часто спорящий сам не знает, прав он или нет, часто думает, что прав и ошибается, часто оба спорящие считают себя правыми, а между тем *veritas est in puteo*. При возникновении спора каждый думает обыкновенно, что истина на его стороне, в продолжении его оба начинают сомневаться, конец должен выяснить истину и подтвердить ее. Итак, диалектике не за чем касаться этого, так же, как учителю фехтования нет дела до того, кто был прав в споре, из-за которого произошел поединок: нанесение ударов и их парирование — вот в чем дело. Также и в диалектике — этом духовном фехтовании. Только понятая таким образом диалектика может составлять новую отрасль науки. Если же мы поставим своею целью

только объективную истину, мы возвращаемся к одной логике, а если, наоборот, признаем ее проведением неверных положений, у нас получается чистая софистика. В обоих случаях предполагается, что мы заранее знали, что истина и что нет, а это редко бывает известно наперед. Поэтому истинное понятие диалектики то, которое было выставлено: она есть духовное фехтование с целью оказаться правым в спорах; название же Эристика более подходяще, чем Диалектика, самое же верное — Эристическая диалектика, *Dialectica eristica*.

Диалектика в этом смысле есть только систематическое правильное сочетание и изложение искусственных приемов, которыми пользуется большинство людей, когда во время спора они замечают, что истина не на их стороне и все-таки хотят быть правыми. Поэтому было бы совершенно нецелесообразно в научной диалектике иметь в виду объективную истину и выяснение ее, тогда как в первоначальной естественной диалектике этого нет, а цель состоит только в одержании победы. Итак, главная задача научной диалектики в нашем смысле состоит в изложении и анализе искусственных приемов при недобросовестном споре, для того, чтобы в спорах серьезных возможно было сразу узнать и уничтожить их. Именно поэтому в ее изложении последнюю цель ее заведомо должно быть одержание верха в споре, а не объективная истина.

Мне не известно, чтобы в этом смысле было что-нибудь сделано, хотя я озирался далеко кругом. Итак, это — необработанное поле. Чтобы достигнуть цели, надо было бы черпать из опыта, наблюдать как применяется спорящими тот или другой прием в спорах, часто происходящих на практике, затем сводить повторяющееся в разных формах приемы к общему и таким образом выставить некоторые общие хитрости, которые могли бы служить затем как для собственного употребления, так и для отражения их, когда ими пользуется другой.

Пусть смотрят на следующие страницы, как на первый опыт этого рода.

Основание всякой диалектики¹.

В каждом споре, все равно будет ли он публичный, как в академических аудиториях и судах, или же в обыкновенных

¹ Этою главою Шопенгауэр воспользовался вт. *Parerga* (II, § 26).

разговорах, существенное состоит в следующем:

Выставляется тезис, который должен быть опровергнут; для этого есть два модуса и два пути.

- 1) Модусы бывают *ad rem* и *ad hominem*, или *ex concessis*. Только посредством первого мы опровергаем абсолютную или объективную истину тезиса, показывая, что он не согласен с действительными свойствами предмета, о котором идет речь. Посредством второго мы опровергаем только его относительную истину, показывая что он противоречит другим утверждениям или допущениям защитника тезиса, или же обнаруживаем несостоятельность его аргументов, причем объективная истина дела остается в сущности нерешенной. Например, если во время спора о философских или естественнонаучных предметах противник (который для этого должен быть англичанином) позволяет себе приводить библейские аргументы, мы вправе опровергать его такими же аргументами, хотя это только аргументы *ad hominem*, не решающие дела по существу. Это похоже на уплату кому-нибудь долга бумажными деньгами, которые от него же получены. Во многих случаях такого рода *modus procedendi* можно бы даже сравнить с представлением на суде подложного обязательства, на которое ответчик с своей стороны отвечает подложной квитанцией; несмотря на это, заем мог существовать в действительности. Так же как в последнем случае, аргументация только *ad hominem* имеет преимущество краткости, так как весьма часто в обоих случаях истинное и основательное разъяснение дела было бы чрезвычайно длинно и затруднительно.
- 2) Что касается способа, то он бывает или прямой, или косвенный: первый нападает на основании тезиса, второй — на его последствия; один доказывает, что он не верен, другой — что он не может быть верным. Рассмотрим их подробнее.
 - а) Опровергая прямым путем, следовательно, нападая на основания тезиса, мы или показываем, что сами они неверны, говоря *negot majorem* или *negot minorem*, и в обоих случаях нападая на материю, служащую основанием заключения; или же мы допускаем эти основания, но показываем, что тезис не вытекает из них, и говорим следовательно: *negot consequentiam*, нападая таким образом на форму заключения.
 - б) Опровергая косвенным путем, следовательно, нападая на тезис посредством следствий его, чтобы из неверности их заключить о неверности первого посредством закона *a falsitate rationati ad falsitatem*

rationis valet consequential; при этом мы можем пользоваться либо простою инстанцией, либо апагогой.

α) Инстанция, *ενστασις*, est только *exemplum in contrarium*, она опровергает тезис, показывая предметы или отношения, содержащиеся в положении и вытекающие из него, при которых оно, однако, неприменимо и, следовательно, не может быть истинным.

β) Апагога получается тогда, когда мы временно допускаем правильность тезиса, но затем связываем с ним другое, признанное истинным или бесспорное положение так, чтобы оба они стали посылками такого вывода, заключение которого, очевидно, ошибочно, потому что оно противоречит или вообще существу вещей, или достоверно признанному свойству предмета, о котором идет речь, или же другому утверждению лица, выставившего тезис; поэтому апагога по своему *modus'u* может быть *ad hominen* и *ad rem*. Если же заключение противоречит несомненным или даже *a priori* достоверным истинам, это значит, что мы привели противника *ad absurdum*. Во всяком случае ошибочность его заключения должна зависеть от его тезиса, так как истина остальных посылок не подлежит сомнению: а потому тезис не может быть верен.

Всякое нападение в споре может быть сведено к изложенным здесь формальным способам: поэтому последние в диалектике то же, что в фехтовании правильные удары: терц, кварт и т. д. Наоборот, выставленные мною искусственные приемы или стратегические уловки можно сравнить с финтами и, наконец, личные нападения в спорах с тем, что университетские преподаватели фехтования называют свинскими ударами.

II. УЛОВКИ.

Уловка 1. Распространение. Выведете утверждения противника из его естественных границ, толкование его в самом общем смысле, в самом обширном значении и преувеличение его; потому что чем общее утверждение, тем больше оно открыто для нападений. Средства против этого точное выставление puncti или status controversiae.

Пример 1. Я утверждал, что “англичане первая нация в драме”. Противник хотел попробовать инстанцию и возражал, что “как известно, в музыке, а следовательно и в опере они не создали ничего выдающегося”. Я отразил его напоминанием, что музыка не содержится в понятии драматического; последнее обозначает только трагедию и комедию, что он отлично знал, а только пробовал настолько обобщить мое утверждение, чтобы оно касалось всех театральных представлений, а следовательно и оперы и музыки, чтобы таким образом потом опровергнуть меня наверно. Наоборот, спасти свое утверждение можно суживая его более, чем предположено первоначально, если только выражение способствует этому.

Пример 2. Ламарк (*Philosophie zoologique*, vol. I, p. 260) отказывает полипам во всяком ощущении на том основании, что у них нет нервов. Однако несомненно, что они способны к восприятиям, так как они следуют за светом, искусственно двигаясь от ветки к ветке и хватают свою добычу. Поэтому допускают, что нервная масса полипов, равномерно распространенная в массе всего тела, как бы слилась с них, ибо они, очевидно, имеют отдельные впечатления, не имея особых органов чувств. Так как это опрокидывает допущение Ламарка, то он аргументирует диалектически следующим образом: в таком случае все части тела полипа должны бы быть способны ко всякому ощущению, а также к движению, воле и мышлению, тогда полип имел бы в каждом пункте своего тела все органы самых совершенных животных, каждый пункт мог бы видеть, обонять, слышать и т. д., даже думать, судить и заключать; каждая частица его тела была бы совершенный, животный и сам полип стал бы выше человека, так как каждая частица его имела бы все те способности, которыми человек обладает только в целом; далее, не было бы никакого основания не распространить на монады — эти самые несовершенные существа — того же, что утверждается о полипах и, наконец, на растения, которые также живут и т. д.

Употреблением таких диалектических уловок писатель обнаруживает, что втайне он сознает себя неправым. Из утверждения,

что все тело полипов способно к ощущению света и потому первообразно, он делает вывод, что все тело мыслит.

Уловка 2. Пользоваться омонимией для распространения утверждения и на то, что за исключением тождества слова не имеет ничего или мало общего с предметом, о котором идет речь, затем опровергнуть это блестящим образом и сделать вид, что опроверг самое утверждение.

Пример. Я порицал, как неразумный, принцип чести, на основании которого она теряется вследствие полученного оскорбления, если только на него не отвечено еще большим оскорблением или оно не смыто кровью противника или своею собственною. Как на основании я указывал на то, что истинная честь не может быть опорочена тем, что претерпевает человек; а только тем, что он делает; так как с каждым все может случиться. Противник обстоятельно показал, что когда купца ложно обвиняют в обмане, нечестности или небрежности в своем деле, это составляет нападение на его честь, которая опорочена здесь только тем, что он претерпевает и которую он может восстановить только привлекая нападающего к ответственности и заставивши его отказаться от обвинения.

Таким образом он посредством омонимии подставил здесь честь гражданскую или доброе имя, опорочение которой совершается посредством клеветы, вместо рыцарской чести, иначе называемой *point d'honneur*, опорочение которой совершается посредством оскорбления. И так как нападение на первую не может быть оставлено без возражения, а должно быть отражено гласным опровержением, то по тем же основаниям и нападение на последнюю не должно оставаться без внимания, а должно быть отражено более сильным оскорблением и поединком. Благодаря этому, посредством омонимии в слове честь происходит смешение двух совершенно различных вещей и определяется *mutatio controversiae*.

Уловка 3. Утверждение, выставленное только относительно *κατά τι*, relative, принимается вообще, *ἀπλώς*, *simpliciter*, absolute, или по крайней мере понимается в совершенно ином смысле и затем в этом именно смысле опровергается. Вот пример Аристотеля: “Мавр черен, но относительно зубов бел; и так, он в то же время черен и не черен”. Это вымышленный пример, который на деле никого не обманет; возьмем, наоборот, другой из действительного опыта.

Пример. В одном философском разговоре я признал, что система моя защищает и хвалит квиетистов; вскоре после того речь зашла о Гегеле и я утверждал, что он большею частью писал

бессмыслицу, или по крайней мере что многие места его произведений таковы, что автор ставит слова, а читатель должен прибавить смысл. Противник не стал опровергать этого *ad rem*, но ограничился тем, что выставил аргумента *ad hominem*: “я только что хвалил квиетистов, а они тоже много писали бессмыслицы”.

Я допустил это, но сделал поправку в том отношении, что хвалю квиетистов не как философов и писателей и потому не за их теоретические произведения, а как людей за их действия только в практическом отношении: что же касается Гегеля, то речь идет о теоретических произведениях и таким образом нападение было отражено.

Первые три приема имеют некоторое средство: в них то общее, что противник говорит не о том, о чем был поставлен вопрос. Поэтому тот, кто позволяет опровергнуть себя этим способом, показывает *ignoratio elenchi*. Во всех выставленных примерах то, что говорит противник, справедливо; но между его утверждением и тезисом нет действительного противоречия, а только кажущееся; поэтому тот, на кого направлено нападение, должен отрицать заключение, а именно вывод неверности тезиса из верности положения противника, и это составляет прямое опровержение его опровержения *per negationem consequentiae*.

Уловка 4. Не допускать верных посылок, предвидя заключение из них. Против этого есть следующие два средства:

а) Когда хочешь сделать вывод, не следует обнаруживать его заранее, а добывать посылки в течение разговора врасыпную, поодиночке, иначе противник будет пробовать всевозможные придирки. Или когда сомнительно, чтобы противник допустил их, надо выставить посылки посылкой, сделать просиллогизмы, затем следует вынудить в разброс без определенного порядка посылки нескольких таких просиллогизмов, прикрывая этим свою игру, пока не будет допущено все, что было нужно, и ведя дело издалека. Правило это дает Аристотель. (*Top. Lib. VIII, c. 1*). Примеров здесь не требуется.

б) Для доказательства своего положения можно пользоваться и неверными посылками, когда противник не допустил бы истинных, потому ли, что не видит их истины, или же потому, что видит, что из них прямо следовал бы тезис. Тогда надо взять положения в сущности ложные, но верные *ad hominem* и аргументировать, исходя из образа мыслей противника, *ex concessis*. Истина может следовать и из

неверных посылок, хотя никогда не может быть обратного. Точно так же можно опровергать неверные положения противника другими неверными положениями, которые он считает истинными, это потому, что, имея дело с ним, надо применяться к его образу мыслей. Так, например, если он последователь какой-либо секты, с которой мы не согласны, мы можем, однако, употреблять как *principia* против него изречения этой секты (Arist. Top. VIII, с. 9).

Уловка 5. Делается скрытая *petitio principii* в требовании того, что следует доказать или 1) под другим именем (например, вместо чести — доброе имя, вместо девственности — добродетель и т. д.). 2) Или когда спорят о частном, требуют допущения общего, например, утверждая недостоверность медицины, постулируют недостоверность человеческих знаний. 3) Когда *vice versa* два положения одно из другого вытекают, и надо доказать первое, требуют второго. 4) Когда надо доказать общее, поочередно требуют допущения всего частного (Обратное тому, что в 2 пр.) (Arist. Top. VIII, с. 11).

Относительно диалектического упражнения, хорошие правила содержит последняя глава в *Топике* Аристотеля.

Уловка 6. Когда спор ведется несколько строго и формально, и хотя вполне понять друг друга, тот, кто выставил утверждение и должен доказать его, относится к противнику вопросительно, чтобы из его допущений заключить об истине утверждения. Эта эротематическая метода была особенно употребительна у древних. (Она называется также и сократической.) К ней относится настоящий прием и некоторые из последующих, вообще свободно обработанные по Аристотелю. *De elenchis sophisticis* с. 15.

Спрашивать следует много и длинно, для того, чтобы скрыть какого именно допущения добиваешься. И наоборот, нужно быстро излагать свою аргументацию из допущенного, так как тот, кто не быстро схватывает, не в состоянии легко уследить и заметить возможные ошибки и пробелы в доказательствах.

Уловка 7. Возбуждать гнев противника, так как под впечатлением гнева он не в состоянии судить правильно и замечать свои преимущества. Вызывается же гнев тем, что к противнику придираются и относятся явно несправедливо и вообще бессовестно.

Уловка 8. Делать вопросы не в том порядке, какого требует вывод, который надо сделать из них, а со всякими перестановками. Противник не знает тогда, к чему они клонятся, не может предупредить последствий и тогда можно воспользоваться его ответами для различных выводов, даже для противоположных, смотря

по тому, каковы они окажутся. Это сходно с 4-й уловкой, где следует маскировать свои действия.

Уловка 9. Когда замечаешь, что противник намеренно отвечает отрицанием на вопросы, там, где мы могли бы воспользоваться утверждением для нашего положения, надо спрашивать обратное тому, чего требует положение, как бы желая его утверждения или но крайней мере предоставляя ему то и другое на выбор, так, чтобы он не замечал, утверждения какого положения мы добиваемся.

Уловка 10. Когда мы делаем индукцию и противник допускает отдельные случаи, посредством которых она должна быть установлена, нам не следует спрашивать его, допускает ли от также общую истину, вытекающую из этих случаев, а надо ввести ее как окончательно признанную, так как иногда ему и самому покажется, что он признал ее и слушателям покажется тоже, потому что они помнят разные вопросы об отдельных случаях, которые должны бы привести к этой цели.

Уловка 11. Если речь идет о таком общем понятии, которое не имеет особого названия, а должно быть обозначено тропически посредством сравнения, то мы должны избрать такое сравнение, которое было бы благоприятно для нашего утверждения. Так, например, имена, которыми обозначаются в Испании обе политические партии, *serviles* и *liberales*, конечно избраны последними. Имя протестантов избрано ими самими так же как и евангелической церкви, имя еретиков дано им католиками. Это относится также к более точным названиям вещей. Так, например, противник предложит какое-нибудь изменение: его называют “нововведением”, так как слово это антипатично. И поступают наоборот, когда сами делают предложение. В первом случае обратное называют “установленным порядком”, во втором, “рутиной” — то, что человек совершенно беспристрастный или неимеющий никакой задней мысли назвал бы “культом” или “гласным общественным вероучением”, то другой, желающий говорить за них, назовет “благочестием”, “набожностью”, а противник его “ханжеством и предрассудком”. В сущности это тонкое *petitio principii*: то, что намереваются доказать, то наперед вкладывают в слово, в название, из которого оно затем вытекает посредством простого аналитического суждения. То, что один называет “подвергнуть личному задержанию, взять под стражу”, противник его называет “запереть”. Говорящий нередко заранее выдает свое намерение теми именами, которыми он называет вещи. Один говорить “духовенство”, другой — “попы”.

Между всеми уловками эта самая употребительная, инстинктивная: Ревность к вере = фанатизм. — Ошибка или галантность = прелюбодеяние. — Двусмысленность = сальность. — Расстройство дел = банкротство. — Посредством влияния и связей = через подкуп, nepoтизм. — Справедливая признательность = хорошая плата.

Уловка 12. Чтобы заставить противника признать то или другое положение, мы должны выставить противоположное и предоставить ему выбор, при чем выразить это противоположное настолько резко, что он, чтобы не быть парадоксальным должен принять наше положение, которое, наоборот, кажется совершенно вероятным. Требуется, например, чтоб он признал, что кто-нибудь должен делать все, что ему скажет отец, мы спрашиваем тогда, следует ли повиноваться или не повиноваться родителям. Или когда о чем-либо говорится “часто”, мы спрашиваем, разумеется ли под “часто” много или мало случаев. Это все равно, что серое положить рядом с черным: оно может назваться белым, а если положить его рядом с белым, оно может назваться черным.

Уловка 13. Бесстыдный фокус проделывается, когда после нескольких вопросов, на которые противник ответил так, что ответами этими нельзя воспользоваться для вывода заключения, которое мы намеревались сделать, выставляют заключительное положение как доказанное и выкрикивают его с триумфом. Если противник застенчив или туп, а сам обладаешь значительным бесстыдством и хорошим голосом, это весьма может удасться. Принадлежит к *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 14. Когда мы выставили парадоксальное положение и затрудняемся доказать его, мы предлагаем противнику какое-нибудь верное, однако не очевидно верное положение, как будто хотим почерпнуть из него доказательство; если он из подозрительности отвергнет его, мы приводим его *ad absurdum* и торжествуем; если же он признает его, мы все-таки сказали нечто разумное и можем поискать теперь чего-нибудь другого, или же присоединяем предыдущую уловку и утверждаем, что доказали таким образом свой парадокс. Для этого требуется крайнее бесстыдство, но это встречается на практике и есть люди, которые так действуют инстинктивно.

Уловка 15. *argumenta ad hominem* или *ex concessis*. При утверждении противника мы должны поискать, не противоречит ли оно так или иначе, хотя бы только по-видимому, чему-либо, что он сказал или допустил прежде, или положениям школы или секты,

которую он хвалил или одобрял, деятельности последователей этой секты или хотя бы не настоящих, а только кажущихся последователей, или тому, что он сам делает или не делает. Если, например, он защищает самоубийство, ему сейчас же кричать: “зачем же ты не повысишься?” Или если он утверждает, например, что Берлин неприятное место жительства: “зачем же ты не уезжаешь с первым же дилижансом”. — Какую-нибудь придирку выцарапать всегда будет можно.

Уловка 16. Когда противник теснит нас обратным доказательством, мы можем спастись каким-нибудь тонким различием, о котором мы, правда, не думали прежде сами, если только предмет допускает какое-нибудь двойное значение или двойной случай.

Уловка 17. Если мы замечаем, что противник взялся за аргументацию, посредством которой он одолеет нас, мы, не допуская до этого, заблаговременно должны прервать ход спора, перескочить или перевести его на другие положения, одним словом, произвести *mutatio controversiae*, сделать диверсию или сразу начать с чего-либо совсем другого, как будто оно относится к делу и составляет аргумент против собеседника.

Это совершается с некоторою скромностью, когда диверсия так или иначе относится к *thema quaestionis*, бессовестно, когда она касается только противника и не имеет никакого отношения к делу. Я хвалил, например, что в Китае нет родового дворянства и должности получают только на основании *examina*. Противник мой утверждал, что ученость столь же мало делает способным к должностям, как и рождение (которому он придавал некоторое значение). Дело пошло для него плохо. Он немедленно сделал диверсию, что в Китае все сословия наказываются батоной, поставил это в связь с усиленным чаепитием и то и другое поставил в укор китайцам.

Кто вдался бы в обсуждение всего этого, уклонился бы от предмета и достигнутая победа была бы вырвана у него из рук.

Бесстыдна диверсия бывает тогда, когда она совершенно оставляет сущность *questionis* и начинается в роде следующего: да вот вы недавно также утверждали и т. д., тогда она относится уже отчасти к “личностям”, о чем будет говорить в последней уловке. Строго говоря, это средняя ступень между объясняемым там *argumentum ad personam* и *argumentum ad hominem*. Каждая перебранка между необразованными людьми показывает, насколько уловка эта всеобща и прирожденна. Как только один делает другому личные упреки, другой

отвечает не опровержением их, а тоже личными упреками первому, оставляя без ответа те, которые сделаны ему самому и таким образом как будто признавая их; он поступает подобно Сципиону, который напал на карфагенян не в Италии, а в Африке. На войне такая диверсия иногда может быть полезна, когда бранятся — она плоха, потому что полученные упреки остаются непровергнутыми и слушатель узнает все дурное об обеих сторонах; в спорах она употребляется *faute de mieux*.

Уловка 18. Если противник прямо требует от нас, чтобы мы возразили что-нибудь против того или другого пункта его утверждения, у нас же нет ничего дельного — мы должны совершенно обобщить предмет и тогда уже возражать против него. Нам приходится, положим, сказать, почему та или другая физическая гипотеза не заслуживает доверия, тогда мы начинаем говорить об обманчивости человеческого знания и выясняем его всячески. Когда мы выпросили у противника посылки и он допустил их, мы не должны спрашивать заключения, а прямо вывести его сами, и даже если недостает еще та или другая посылка, мы и ее признаем за допущенную и делаем вывод, что составляет тогда применение *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 20. В случае призрачного или софистического аргумента противника, когда мы проникаем его, мы, правда, можем отразить его, разобрав его лживость и призрачность; однако, чтобы развязаться с ним, лучше ответить на него таким же лживым и софистическим противоположным аргументами, так как здесь дело идет не об истине, а о победе. Если он дает, например, *argumentum ad hominem*, то достаточно парализовать его обратным аргументом *ad hominem* (*ex concessis*) и вообще бывает короче вместо длинного разбора существа предмета, если он представляется, выставить *argumentum ad hominem*.

Уловка 22. Противоречие и спор побуждают к преувеличению утверждения. Таким образом мы можем побудить противника посредством противоречия расширить положение, которое само по себе и при надлежащих ограничениях правильно, за пределы истины, и когда мы затем опровергнем это преувеличение, покажется как будто мы опровергли и его первоначальное положение. Наоборот, сами мы должны остерегаться, чтобы противоречие не завлекло нас в преувеличение или слишком широкое распространение нашего положения. Часто противник сам постарается распространить наше утверждение дальше, чем мы это сделали, тогда мы сейчас же должны

остановить его и привести его к границе нашего утверждения посредством “вот что я сказал, а не более того”.

Уловка 23. Вылавливание заключений (*Konsequenzmacherei*). Вынуждают из положения противника посредством ложных заключений и искажения понятий такие положения, которые в нем не заключаются и совсем не составляют мнения противника. Но так как кажется, что из его положения вытекают другие, которые находятся в противоречии или между собою, или с общепризнанными истинами, то это сходит за косвенное опровержение, за апагогу и составляет опять применение *fallacia non causae ut causae*.

Уловка 24. Апагога посредством инстанции, *exemplum in contrarium*. Тогда как *ἐπαγωγή*, *inductio*, требует множества случаев, чтобы установить общее положение, *ἀπαγωγή* должна выставить только один случай, к которому положение не подходит и оно опровергнуто. Такого рода случай называется инстанцией *ἐνστάσις*, *exemplum in contrarium*, *instantia*; например положение: “все животные, жующие жвачку, имеют рога”, опровергается одною инстанцией верблюда. Инстанция есть случай применения всеобщей истины к чему-либо такому, что должно содержаться в ее главном понятии, но относительно чего она недействительна и потому падает сама. При этом можно однако ошибиться, так что при инстанциях противника мы должны наблюдать за следующим: 1) Действительно ли верен пример. Бывают задачи, в которых единственное возможное решение состоит в том, чтобы случай признать неверным, например, многие чудеса, истории приведений и т. п. 2) Действительно ли он подходит под понятие выставленной истины: нередко это только так кажется и вопрос разрешается точным различием. 3) Действительно ли пример находится в противоречии с выставленной истиной, так как и это противоречие часто бывает только кажущееся.

Уловка 25. Блестящий удар состоит в *retorsio argumenti*: когда тот аргумент, которым противник хочет воспользоваться, еще лучше может быть употреблен против него, например, когда он говорит: “это ребенок, к нему надо относиться снисходительно”, *retorsio*: “потому-то, что это ребенок, и следует учить его, чтобы он не закоренел в своих дурных привычках”.

Уловка 26. Если при каком-нибудь аргументе противник неожиданно начинает сердиться, этим аргументом надо усиленно пользоваться, не потому только, что он годится для раздражения противника, но и потому, что можно предположить, что мы коснулись

слабой стороны в ходе его мыслей и здесь именно можно поймать его лучше, чем сами мы это сразу можем заметить.

Уловка 27. Она особенно применима, когда ученые спорят перед неучеными слушателями и когда не имеется *argumentum ad rem*, ни даже *ad hominem*. Дается аргумент *ad auditores*, т. е. возражение негодное, но негодность которого может видеть только человек знающий дело; таков противник, а не слушатели; поэтому в их глазах он будет побит, особенно если возражение выставляет положение его в смешном свете; люди всегда готовы смеяться, и смеющиеся оказываются на нашей стороне. Чтобы показать недействительность возражения, пришлось бы проделать длинный анализ и вернуться к принципам науки или другим данным, а для этого немного найдется слушателей.

Пример. Противник говорит, что при первоначальной формации гор масса, из которой кристаллизовался гранит и все остальные горы, была в жидком состоянии от жара, следовательно, расплавлена. Жар должен был быть приблизительно в $200^{\circ} R$; масса кристаллизовалась под покрывающей ее морской поверхностью. Мы делаем *argumentum ad auditores*, что при такой температуре и даже раньше, при 80° , море давно выкипало бы и носилось бы в воздухе в виде пара. Слушатели смеются. Чтобы опровергнуть нас, противнику пришлось бы показать, что точка кипения зависит не только от степени тепла, но в равной мере и от давления атмосферы, а оно в свою очередь до такой степени повышается, как только половина морской воды носится в парах, что и при 200° не наступает кипения. Но до этого он не дойдет, так как для не физиков на это потребовалось бы особое рассуждение. (Мичерлих, отчет берлинской академии 1822).

Уловка 28. *Argumentum ad verecundiam*. Вместо оснований пользоваться авторитетами по мере знаний противника. *Unusquisque mavult credere quam judicare*, говорит Сенека. Поэтому легко вести дело, когда за себя имеешь авторитет, уважаемый противником. Чем более ограничены его знания и способности, тем большее число авторитетов имеет для него значение. Если же способности его первоклассны, то для него очень мало или почти не будет авторитетов. Конечно, он допустит авторитет специалистов, в малоизвестной или неизвестной ему науке, искусстве или ремесле, и то с некоторым недоверием. Наоборот, люди дюжинные питают глубокое почтение ко всяким специалистам. Им неизвестно, что тот, кто делает из предмета ремесло, любит не предмет, а выгоду, и неизвестно также, что тот, кто обучает предмету, редко сам знает его основательно, так как тому, кто

основательно изучает, большею частью не остается времени для обучения других. Но у толпы есть много уважаемых авторитетов, поэтому, если нет настоящего, можно взять только кажущиеся и сослаться на него в другом смысле и при других обстоятельствах. Авторитеты, которых противник совсем не понимает, большею частью действуют сильнее всего. Люди неученые питают особенное уважение к греческим и латинским прикрасам. С авторитетами можно допускать не только натяжки, но и совершенные искажения или даже приводить авторитеты собственного изобретения. Большею частью у противника под рукою нет книги, да он и не умеет справляться с нею. Самый прекрасный пример этого представляет французский священник, который для того, чтобы не мостить улицы перед своим домом, как должны были сделать остальные граждане, привел библейское изречение: *paveant illi, ego non pavebo*, чем и убедил представителей общины. Можно также пользоваться, как авторитетами, всеобщими предрассудками, потому что большинство думает с Аристотелем: *ἀ μὲν πολλοῖς δοχεῖ, ταῦτά γε εἶναι φαμεν*. Нет даже такого нелепого мнения, которого люди легко не усвоили бы себе, как только удастся убедить их, что оно общепринято. Пример влияет и на их мысли так же, как на их поступки. Это овцы, которые идут за ведущим их бараном и которым легче умереть, чем мыслить. Странно, что общепризнанность мнения имеет для них такое значение, когда они сами по себе знают, как мнения принимаются безо всякого суждения в силу одного примера. Но этого они не видят потому, что совершенно лишены самопознания. Только избранные говорят с Платоном *τοῖς πολλῶν πολλὰ δοχεῖ*, т. е. толпа имеет много причуд в голове, и если бы захотеть сообразоваться с ними, много было бы дела.

Всеобщность мнения, серьезно говоря, не есть доказательство, ни даже вероятное основание его правильности. Утверждающее противное должны: допустить, 1) что удаление во времени лишает силы эту всеобщность, иначе им пришлось бы вернуться ко всем старым заблуждениям, некогда признававшимся всеми за истину, например к Птоломеевой системе или к восстановлению католицизма в протестантских странах. 2) То же самое и относительно отдаленности в пространстве. Иначе их поставила бы в затруднительное положение всеобщность мнений последователей буддизма, христианства и ислама (Bentham, *Tactique des assemblees legislatives*, Vol. 2, p. 76).

То, что называют общим мнением, при ближайшем рассмотрении, оказывается мнением двух-трех лиц, и мы убедились бы в этом, если бы могли присутствовать при истории возникновения

какого-нибудь такого всеобщего мнения. Мы бы нашли тогда, что два-три человека первоначально приняли, выставили и утверждали его, некоторые же были настолько добры, что поверили, что первые его вполне основательно исследовали. На основании предрассудка этих последних о достаточных способностях первых, приняли то же мнение другие. Этим в свою очередь поверили еще многие, которым их леность советовала лучше сразу поверить, чем трудиться над испытанием. Так со дня на день возрастало число этих ленивых и легковверных последователей, потому что, как только мнение получало за себя значительное число голосов, следующее полагали уже, что оно могло достигнуть этого лишь благодаря прочности своих оснований. Остальные должны были допустить то, что допускалось всеми, чтоб их не считали беспокойными людьми, восстающими против общепризнанных мнений, и дерзкими мальчишками, которые хотят быть умнее всех на свете. Тогда уже немногие, способные к суждению, должны молчать, а те, которые могут говорить, совершенно неспособны иметь собственное суждение, а представляют только отголосок чужих мнений, которые они защищают с тем большею ревностью и нетерпимостью. Они ненавидят в думающем иначе не столько другое мнение, к которому он принадлежит, сколько дерзость, которую он имеет судить самостоятельно, на что сами они никогда не отваживаются и втайне сознают это. Короче, мыслить могут очень немногие, а мнение иметь хотят все; что же им остается, как не принять готовые мнения других, вместо того, чтобы составлять их самим?

Если дело происходит таким образом, то что же значит голос ста миллионов людей? То же, что какой-нибудь исторический факт, который встречаешь у сотни исторических писателей, когда потом оказывается, что все они выписали его друг у друга, так что в конце концов все сводится к сообщению одного (Bayle, *Pensees sur les cometes*. Vol. I, p. 10).

*Dico ego, tu dicis, sed denique dixit et ille:
Dictaque post toties, nil nisi dicta vides.*

Тем не менее в споре с обыкновенными людьми можно пользоваться общим мнением, как авторитетом.

Вообще, когда спорят между собою две заурядные головы, оказывается, что избираемое ими обеими оружие большею частью авторитеты; авторитетами они тузят друг друга. Если более способной

голове приходится иметь дело с плохой, то и для нее самой благоразумнее примениться к этому оружию, выбирая его сообразно слабым сторонам противника. Против оружия логических оснований противник ex hypothesi, окунувшись в пучину неспособности к мышлению и суждению, закален как Зигфрид.

Перед судом, строго говоря, спорят только авторитетом, авторитетом твердо установленного закона; дело суждения отыскать закон, т. е. авторитет, который находит применение в данном случае. Но для диалектики остается еще довольно простора, так как в случае надобности данный случай и закон, хотя они собственно и не подходят друг к другу, переворачиваются до тех пор, пока не покажутся подходящими или наоборот.

Уловка 29. Когда не знаешь, что возразить на основания противника, можно с тонкой иронией признать себя некомпетентными. “То, что вы говорите, превосходит мое слабое понимание, это может быть очень верно, но я не могу понять и потому отказываюсь от всякого суждения”. Таким образом слушателям, у которых пользуешься уважением, инсинуируется что это нелепость. Так, при появлении Критики чистого разума или, скорее, при начале того интереса, который она возбудила, многие профессора эклектической школы объявили: “мы этого не понимаем”, и думали, что этим отделались от нее. Но когда некоторые из последователей новой школы показали им, что они правы и действительно не поняли, они пришли в очень дурное расположение духа.

Этот уловкой можно пользоваться только тогда, когда совершенно уверен, что имеешь в глазах слушателей большой авторитет, чем противник, например, профессор со студентом.

В сущности это относится к предшествующей уловке и составляет особенно коварный способ замены оснований собственным авторитетом.

Парировать этому можно так: “Извините, при вашей проницательности вам это легко понять, тут виновато, конечно, только мое плохое изложение” — и затем следует все так разжевать и сунуть противнику в рот, чтобы он волей-неволей должен быть понят и стало ясно, что сначала он действительно не понимал. — Уловка таким образом возвращена обратно.

Противник хотел инсинуировать, что мы утверждаем ‘нелепость’, а мы доказали его ‘непонятливость’. И то и другое вполне вежливо.

Уловка 30. Какое-либо выставленное против нас утверждение противника мы можем кратким образом устранять, или по крайней мере сделать подозрительным, подводя его под какую-нибудь ненавистную категорию, когда оно слабо связано с ней сходством или как-нибудь иначе: например “это манихейство, это арианство, это пелагианство, идеализм, это Спинозизм, натурализм, это пантеизм, это рационализм, это спиритуализм, это мистицизм” и т. д. — При этом мы допускаем две вещи: 1) Что утверждение действительно тождественно или, по крайней мере, содержится в помянутой категории и восклицаем тогда: “О, это мы уже знаем!” — 2) Что эта категория вполне опровергнута и в ней нет решительно ничего истинного.

Уловка 31. “Это может быть верно в теории, но на практике ложно”. Посредством этого софизма допускают основания и все-таки отрицают последствия вопреки правилу, а *ratione ad rationatum valet consequential*. — Утверждение это предполагает невозможность. То, что верно в теории, должно оправдываться; если же этого нет, то есть ошибка в теории, что-нибудь недосмотрено, не принято в расчет и, следовательно, ошибочно и в теории.

Уловка 32. Когда противник не дает никакого прямого и определенной ответа на вопрос или на аргумент, а уклоняется посредством косвенного ответа, другого вопроса, или чего-нибудь совсем не относящегося к делу и хочет перейти к другому, — это верный признак, что мы попали на слабое место — это относительное умолкание с его стороны. Надо поэтому налегать на тот пункт, которого мы коснулись и не спускать противника с места, даже тогда, когда мы сами еще не видим, в чем именно состоит та слабая сторона, на которую мы попали.

Уловка 33. Она, если только ее возможно применить, делает все остальные излишними. Вместо того, чтобы действовать основаниями на разум, надо посредством мотивов действовать на волю противника, а равно и слушателей, и, если интересы их те же, что и его, они сейчас же склоняются к нашему мнению, хотя бы оно заимствовано было из дома умалишенных; обыкновенно один лот воли весит больше, чем центнер понимания и убеждения; конечно, это возможно только при особенных обстоятельствах, если можно дать почувствовать противнику, что мнение его, если бы оно имело значение, значительно повредило бы его интересам: он бросит его так же скоро, как взятое по неосторожности горячее железо. Духовное лицо, например, защищает какой-нибудь философский догмат; стоит

дать ему заметить, что он противоречит какому-либо основному догмату церкви его, и оно от него откажется. Землевладелец утверждает громадную пользу машин в Англии, где паровая машина производит работу многих людей, дайте ему понять, что скоро паровые машины заменят лошадей в упряжке, при чем должны будут значительно пасть в цене лошади его многочисленного завода, и увидите, что из этого выйдет. В подобных случаях чувство каждого: *Quam temere in nosmet legem sancimus iniquam*. Точно также, если слушатели принадлежат к одной с нами секте, гильдии, роду занятий, клубу и т. п., а противник нет — как бы ни был верен его тезис, как только мы намекнем, что он противоречит общим интересам помянутого цеха, все слушатели будут находить аргументы противника слабыми и жалкими, как бы они ни были превосходны, а наши, напротив, верными и меткими, как бы они ни были фантастичны. Хор громко выскажется за нас, и противник, посрамленный, очистит поле.

Уловка 34. Озадачить и сбить с толку противника набором бессмысленных слов. Это основано на том, что:

Привыкли думать люди, если слышать речь,
Что под словами что-нибудь и мыслить можно.

Если только противник в тайне сознает свою слабость и привык, слушая много такого, чего не понимает, все-таки делать вид, будто понимает, ему нужно импонировать с серьезным видом, неся ему ученую или глубокомысленно звучащую бессмыслицу, от которой у него зайдутся и слух, и зрение, и мысли; это можно выдавать за бесспорное доказательство собственного тезиса. Известно, что последнее время некоторые немецкие философы применяли эту уловку с самым блестящим успехом относительно всей немецкой публики. Но так как *exempla* были бы *odiosa*, то мы сошлемся на более старый пример, приводимый Гольдсмитом (*Vicar of Wakefield*, p. 30).

Уловка 35. (Которая должна бы стоять одной из первых). Когда противник в сущности прав, но, к счастью, выбирает плохое доказательство, нам легко бывает опровергнуть это доказательство, и мы выдаем это за опровержение самой сущности. В сущности это сводится к тому, что мы выдаем аргумент *ad hominem* за аргумент *ad rem*. Если противнику или присутствующим, не придет в голову настоящего доказательства, мы победили; например, если кто-нибудь,

доказывая бытие Божие, приведет онтологическое доказательство, которое легко опровергнуть. Вот путь, благодаря которому плохие адвокаты проигрывают хорошие дела: они хотят оправдать их законом, который к ним неприменим, а подходящего не находят.

Заключительное замечайте: между спором *in colloquio privato s. familiari* и *disputatio sollemnis publica pro gradu* и т. п., нет существенного различия, кроме разве того, что в последнем случае требуется, чтобы отвечающий (*Respondens*) непременно оказался прав против возражающего (*Opponens*), и потому в случае нужды председательствующий (*Praeses*) бросается ему на помощь; кроме того, здесь аргументируется более формально, причем аргументы охотно облачаются в форму строгого вывода.

Последняя уловка. Когда замечаешь, что противник сильнее, будь с ним личен, оскорбителен и груб. Первое состоит в том, чтобы отойти от предмета спора (так как здесь игра проиграна) и перейти к спорящему, так или иначе напасть на его личность. Это ложно бы назвать *argumentum ad personam*, в отличие от *argumentum ad hominem*: последний аргумент отклоняется от объективной стороны дела, чтобы держаться того, что противник о нем сказал или допустил; при обращении же к личности предмет совершенно покидается и нападение направляется на личность противника, к нему относятся оскорбительно, злобно и грубо. Это — обращение от сил духовных к силам телесным или животным. Правило это излюбленное, так как всякий способен к исполнению его, и потому оно часто применяется. Спрашивается: какое правило можно указать против него для противной стороны? Так как, если она захочет прибегнуть к тому же самому, то из этого выйдет драка, поединок или процесс об оскорблении.

Было бы весьма ошибочно думать, что достаточно самому не переходить в личности. Показывая кому-нибудь совершенно спокойно, что он не прав, и, следовательно, ошибочно судит и думает, а это бывает при каждой диалектической победе, его озлобляешь больше, чем грубым, оскорбительным выражением. Почему? потому что, как говорит Гоббес (*De Cive Cap. 1*). *Omnis animi voluptas omnisque alacritas in eo sita est, quod quis habeat, quibuscum conferens se, posit magnifice sentire de se ipso.* — Для человека нет ничего выше удовлетворения его тщеславия, и ни одна рана не болит сильнее той, которая нанесена ему. (Отсюда происходят обороты речи в роде — честь дороже жизни и т. д.). Удовлетворение тщеславия возникает главным образом из сравнения себя самого с другими во всех отношениях, но особенно в

отношении духовных сил. И это происходит действительно и в очень сильной мере во время спора. Отсюда озлобление побежденного, хотя бы с ним и не были несправедливы: вот отчего он хватается за последнее средство, за эту последнюю уловку, которой нельзя избежать с помощью простой вежливости. Большое хладнокровие может однако же помочь и здесь, следует, как только противник переходит в личности, ответить, что это к делу не относится, и, тотчас же возвратившись к предмету, продолжать доказывать ему, что он не прав, не обращая внимания на его оскорбление, т. е. сделать нечто в роде того, что Фемистокл говорит Эврибиаду: *πάταξον μὲν, ἄχουσον δέ.* (“Ударь, но все-таки выслушай!”) Но это не каждому дано.

Поэтому единственное верное правило здесь то, которое указывает уже Аристотель в последней главе *Ториса*: не спорить с первым встречным, а только с тем, о ком знаешь, что у него достаточно рассудка, чтобы не высказать чего-нибудь настолько нелепого, что потом он должен будет стыдиться; с тем, кто может спорить основаниями, а не сентенциями, выслушивать доводы и вникать в них, и наконец с тем, кто ценит истину, охотно выслушивает доводы даже от противника и достаточно справедлив, чтобы быть в состоянии, оказавшись неправым, вынести это, если истина на противоположной стороне. Отсюда следует, что изо ста едва один стоит того, чтобы с ним спорить. Что касается остальных, то пусть они говорят, что угодно, так как *desipere est juris gentium*, и следует подумать над тем, что говорить Вольтер: “*la paix vaut encore mieux que la verite*” и чему учит одна арабская пословица: “на дереве молчания висит плод его — мир”.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

О значении логики и о редкости рассудка.

Я полагаю, что логика имеет исключительно теоретический интерес для изучения сущности и правильного хода деятельности разума и потому должна быть только аналитикою, а не диалектикою. Практической пользы для более правильного мышления и изыскания истины она совершенно лишена; и даже в спорах знание диалектики едва ли поможет, и тот, кто одарен природным остроумием и развил его прилежным упражнением, всегда одолеет того, кто изучил только диалектические правила. Тот, кто захотел бы изощриться в споре, достиг бы этого скорее прилежным чтением диалогов Платона, из которых многие представляют прекрасные образчики диалектической ловкости, особенно там, где Сократ ставит ловушки софистам и потом затягивает петлю, чем посредством изучения диалектических сочинений Аристотеля, так как его правила всегда слишком далеки от каждого данного отдельного случая, для того чтобы можно было прилепить их, и для того, чтобы подбирать их и приравливать к случаю нет времени.

Логика может привести только к формальной истине, а не к материальной. Она предполагает понятия данными и учит лишь тому, как правильно обращаться с ними; при чем она всегда остается в сфере понятий; но действительно ли есть *in rerum natura* вещи, соответствующие этим понятиям, относятся ли понятия к действительным вещам, или же только произвольно вымышленным, это ее не касается; поэтому при самом строгом и правильном мышлении может не быть никакого истинного содержания и оно может вращаться около совершенных химер. Так это было в схоластике, так это бывает во многих очень тонких рассуждениях, при произвольных предположениях, особенно в философии.

Выводить суждения из суждений — вот все, чему учит логика и все, что может сделать разум в отдельности, предоставленный себе самому; но для того, чтобы сделать это правильно и безошибочно, он не нуждается ни в какой науке о законах своей деятельности, а действует правильно, совершенно самостоятельно, как только предоставлен самому себе. Ужасно было бы думать, что логика может иметь практическую пользу и может научить правильному мышлению; тогда пришлось бы допустить, что тот, кто еще не изучал логики, находится в опасности мыслить противоречия или допустить, что

между противоречивыми положениями возможно третье, или признать правильность заключения в роде того, что

Все гуси имеют две ноги.
Как имеет две ноги.
Как есть гусь.

Пришлось бы допустить, что только из логики он узнает, что так мыслить и заключать нельзя. Тогда конечно логика была бы очень полезна, но человечеству пришлось бы плохо. На деле, разумеется, это не так; но совершенно не точно говорить о логике там, где разумеешь здравый ум. Приходится иногда читать похвалы писателю в роде того, что: “в сочинении много логики”, вместо “оно содержит правильные суждения и выводы”, или слышишь: „ему бы следовало прежде поучиться логике”, вместо “ему бы следовало поработать умом и подумать, прежде чем писать”.

Человек здоровый совсем не рискует заключать ошибочно, но весьма подвержен опасности судить неправильно. Ошибочных суждений множество, ошибочные заключения, делаемые серьезно, весьма редки, они могут зависеть только от торопливости и тотчас же исправляются при размышлении.

Здравый разум настолько же всеобщ, насколько редко правильное и тонкое суждение. Но логика дает указания только того, как следует заключать, т. е. как обращаться с суждениями уже готовыми, а не того, как получить первоначально эти суждения. Возникновение их лежит в наглядном познании, которое находится вне сферы логики. Суждение переносит наглядное познание в абстрактное и на это у логики нет правил. В заключении никто не ошибется, потому что оно состоит только в том, что там, где ему даны все три термина, оно правильно определяет их отношение, в этом никто не ошибается. Но трудность и опасность ошибки лежит в установлении посылок, а не в извлечении из них заключения: последнее делается необходимо и само собою. Другое дело отыскание посылок, а здесь покидает вас логика, отыскать сначала *propositio maior* дело рефлектирующего рассудка, например, сказать: “все животные, имеющие легкие, имеют голос”, во-вторых, найти *terminus medius* есть дело субсумирующего рассудка, а именно найти то отношение, благодаря которому предмет, о котором идет речь, подходит под правило, следовательно, сказать: „лягушки животные, имеющие легкие”. Если суждения эти правильны и находятся налицо, то вывод заключения есть детская игра, а к нему

только относятся логические правила. Правильность суждений логикой предоставляется рассудку, и в этом вся трудность. Итак, нечего бояться ложных заключений, а только ложных суждений, как это и подтверждается опытом.

Не только рефлектирующей рассудок, которому мы обязаны всеми великими открытиями и важными истинами, оказывается исключением в отдельных лицах и совсем не принадлежит человеку вообще, но даже рассудок только субсумирующий, имеющий уже правило, понятие, абстракцию и массу отдельных случаев, данных ему наблюдением, задача которого состоит только в том, чтобы убедиться, подходят ли эти случаи под правило — даже этот субсумирующий рассудок едва можно приписать обыкновенному человеку; по крайней мере у большинства он чрезвычайно слаб. Мы видим, что суждение их, даже там, где оно не совершенно подкуплено личным интересом, как это бывает большею частью, основывается только на авторитете, они идут по следам других, повторяют то, что от других слышали и одобряют и порицают только по чужому примеру. Если раздаются аплодисменты, они тоже аплодируют, если свистки, то свистят и они. Если они видят, что за кем-нибудь бегут, бегут и они, не спрашивая: отчего? Если они видят кого-нибудь покинутым, они боятся подойти к нему. В жизни большинства людей, может быть, нет ни одного случая, о котором можно бы сказать, что они определили его и решились только на основании собственного рассудка. Они похожи на овец, идущих за ведущим их бараном: если он перепрыгнул через плетень или через ров, все они прыгают также, если он обошел его, все обходят. Если бы этого не было, то чем объяснить, что каждая новая, освещенная собственным светом, вооруженная вечною силой, истина, при своем появлении, несмотря на это, каждый раз должна выдерживать такое мощное сопротивление со стороны старого заблуждения? Изучите историю наук и вы увидите, какой богатырский бой должна была выдержать каждая новая важная истина при своем появлении. Сначала к ней совершенно глухи, на нее совершенно не обращают внимания, затем ей противопоставляется с триумфом идол старого заблуждения, чтобы она окаменела перед ним, как перед головой Горгоны. А так как она этого не делает, то против нее поднимается всеобщий крик, ее отрицают и осуждают. Как же, несмотря на это, она одерживает верх? Благодаря тому, что с течением времени ее признают отдельные люди, одаренные разумом, несмотря на толпу, сами откуда-либо получают авторитет и в конце концов их суждения определяют толпу, но это делается очень медленно и

обыкновенно результат получается уже тогда, когда сделавший открытие уже окончил свое мученичество и отдыхает от своей горькой работы. Если хотите примеров, вспомните историю Коперника и Галилея, прочтите историю открытия кровообращения Гарвеем и признание его тридцать лет спустя. Вся история литературы всюду показывает нам то же, насколько одарен рассудком обыкновенный человек. Или хотите, может быть, новый пример, постепенное движение и развитие которого, вероятно, все вы еще переживете, так как у вас еще много времени впереди, — это теория красок Гёте; в ней величайший из людей, которого в течение столетий произвела Германия — Гёте опровергает самым ясным, убедительным и доступным образом старое заблуждение ньютоновьянсею теории красок. Книга его лежит десять лет²; с тех пор я и еще немногие признали ее истину и открыто засвидетельствовали о том. Остальной ученый мир осудил ее и крепко держится старого Ньютоньянского символа веры. Своим отношением к этому вопросу он готовит потомству прекрасные анекдоты. Так мало рассудок принадлежит к существенным свойствам человека, как такового.

Самые громкие крикуны — ведущие бараны. Благодаря этому могут существовать литературные журналы, посредством которых люди позволяют составлять суждение неизвестным лицам, которые достаточно бесстыдны, чтобы являться непризванными судьями и достаточно трусливы, чтобы нападать анонимно на книги, написанные не анонимно; и люди позволяют наперед навязывать себе эти суждения! Таким образом оказывается, что венки славы у современников раздают журналисты, венки, зелень которых сохраняется, пока не вышел из обращения год журнала. Но никогда неувядающее венки, украшенные не сусальным золотом рождественских елок, а настоящим — венки, которые не увядают и перед которыми одно за другим проходят столетия, эти венки раздаются не журналистами.

Недостаток рассудка, заменяемого большею частью клюкою чужого авторитета, имеет еще, кроме того, положительного внутреннего врага в собственной воле и Воля всегда есть тайный противник интеллекта. Поэтому чистый рассудок и чистый разум означают такой рассудок и разум, которые свободны от какого бы то ни было влияния воли, т. е. склонности, и следуют только собственным законам.

Поэтому я прежде всего дам вам правило, что вам нужно

² Шопенгауэр писал это в 1821 г.

делать, когда вы хотите убедить кого-нибудь в истине, находящейся в прямом противоречии с заблуждением, которого он крепко держится и, следовательно, с его интересами. Интерес этот или материальный, т. е. содержание заблуждений составляет его выгоду, как, например, если он имеет много крепостных, а вы хотите доказать ему варварство крепостного права, или же только формальный, т. е. он держится ошибочного мнения только потому, что однажды принял это мнение, а никто не допускает охотно доказательства ошибочности своих мнений. В таких случаях правило легко и естественно и несмотря на это редко соблюдается. Вот оно: надо пустить вперед посылки, а заключение должно следовать. Обыкновенно поступают наоборот. Из горячности, поспешности и желания быть правыми во что бы то ни стало, мы с треском выкрикиваем заключение ..., кто держится противоположного заблуждения. Благодаря этому, он сейчас же закусывает удила, напрягает свою волю против всех оснований и посылок, которые мы потом представляем и о которых он уже знает, к какому ненавистному для него заключению они приведут. Таким образом все испорчено. Согласно же нашему правилу, мы должны, напротив того, держать заключение совершенно *in petto*, изолировать его и выставлять только посылки, но за то полно, ясно и всесторонне. Закличение же совсем не надо высказывать, а предоставить вывести его тому, кого хочешь убедить. Он сделает это позднее, втайне, сам для себя и с тем большею правдою. Он тогда легче допустит истину, так как ему не будет стыдно, что его убедили, а он будет гордиться, что сам убедился. Так тихо должна выступать истина между людьми. Более того в торжественных и опасных случаях, где рискованно противоречит освещенному заблуждению, недостаточно не высказывать и прикрывать заключение; можно даже вывести совершенно ложное заключение, вполне согласное с освещенным заблуждением, когда посылки уже вполне установлены.

Antony: Yes, Brutus says he was ambitious,
And Brutus is an honorable man.

Как бы ни был очевиден обман, он замечается не сразу, так как люди слишком крепко охвачены заблуждением. Только постепенно сами они выводят правильное заключение, потому что основание познания, также как и всякое основание, необходимо влечет за собою свое последствие и истина выходит наружу. (Так поступал Кант). Такими тропинками должна идти истина в этом мире.